

Наука как профессия и как феномен культуры

© 2019 г. Б.И. Пружинин

*Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; журнал
«Вопросы философии», Москва, 117418, Нахимовский пр., д. 47.*

E-mail: prubor@mail.ru

Поступила 15.05.2019

В докладе, прочитанном для студенческой элиты сто лет назад Макс Вебер констатировал: из деятельности ученого уходит мотивация, основанная на призвании, остаются социализованные мотивы профессиональной работы — бытовые, карьерные, политико-идеологические. Сегодня эту веберовскую констатацию можно просто проецировать на современную науку, в значительной мере уже превратившуюся в прагматически ориентированную социально-экономическую институцию. Между тем, последствия вытеснения из деятельности ученого элемента призвания, наполняющего экзистенциальным смыслом его стремление познавать реальность, оборачиваются для научной деятельности весьма серьезными проблемами, в том числе, на уровне когнитивных практик. Вопрос в том, каким должен быть вектор концептуального осмысления этой проблематики, позволяющий хотя бы прояснить перспективы науки. В статье автор обосновывает тезис о том, что при всей важности социально-институциональных измерений научной деятельности социологическое рассмотрение науки способно лишь зафиксировать сложившееся положение дел. Вне поля зрения остается как раз то, что изначально лежало в основании экзистенциальной мотивации ученых — стремление открыть истинное знание о реальности. Это наукообразующее стремление к общезначимости по-разному тонировалось в различных культурных и исторических контекстах, но его суть всегда сохранялась европейской культурой. Сегодня оно нуждается в новом культурно-историческом осмыслении, способном уравновесить социально-прагматическую ориентированность современной науки.

Ключевые слова: Наука, профессия, призвание, Макс Вебер, социальная эпистемология, культурно-историческая эпистемология.

DOI: 10.31857/S004287440006023-0

Цитирование: *Пружинин Б.И.* Наука как профессия и как феномен культуры // Вопросы философии. 2019. № 8. С. 5–9.

Science as a Vocation and as a Cultural Phenomenon

© 2019 г. Boris I. Pruzhinin

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation; Journal "Voprosy Filosofii", 47, Nakhimovsky prospect, Moscow, 117418, Russian Federation.

E-mail: prubor@mail.ru

Received 22.05.19

In a report read for the student elite a hundred years ago, Max Weber stated: the motivation based on vocation leaves the activities of a scientist, and socialized motives of professional work remain — domestic, career, political-ideological. Today, this Weberian statement can be simply projected onto modern science, which to a large extent has already turned into a pragmatically oriented socio-economic institution. Meanwhile, the consequences of pushing out a vocational element that fills scientist's aspiration to learn reality with an existential meaning turn into serious problems for scientific activity, including at the level of cognitive practices. And the question is, what should be the vector of conceptual understanding of this problem, allowing at least to clarify the prospects of science. In the article, the author substantiates the thesis that, for all the importance of the socio-institutional dimensions of scientific activity, the sociological consideration of science can only fix the existing state of affairs. Out of sight is just what was originally the basis of the existential motivation of scientists — the aspiration to discover the true knowledge of reality. This scientifically-oriented intention of general significance has been tinted in different ways in different cultural and historical contexts, but its essence has always been preserved by European culture. Today it needs a new cultural and historical understanding, able to balance the social and pragmatic orientation of modern science.

Key words: Science, profession, vocation, Max Weber, social epistemology, cultural-historical epistemology.

DOI: 10.31857/S004287440006023-0

Citation: Pruzhinin, Boris I. (2019) "Science as a Vocation and as a Cultural Phenomenon", *Voprosy Filosofii*, Vol. 8 (2019), pp. 5–9.

Современное научное знание творят профессионалы-ученые. Они работают в научных сообществах, организационная структура которых социально фиксирована. При этом работа в сообществе сегодня мало напоминает традиционную познавательную деятельность ученых, каждый из которых самостоятельно и по-своему обдумывал и исследовал некоторую общую для сообщества («невидимого колледжа») область предметного мира, соотнося свою деятельность с аналогичной деятельностью коллег, но надеясь на личный успех. Работа в сообществе ныне это работа над отведенным фрагментом предмета, о котором в целом отдельный ученый может иметь довольно смутное представление, это работа в рамках координированного производства знаний, где оценивается узкая компетентность ученого, а рассчитывать он может только на совместный успех. Заслуга Вебера состоит именно в том, что сто лет назад он выявил и попытался осмыслить проблемы, возникающие внутри такой науки.

Начало процессов, которые привели к нынешнему состоянию науки, можно отнести к середине XIX столетия. Но Вебер был, пожалуй, первым, кто сумел представить порождаемые этими процессами проблемы — именно проблемы — столь ярко, что и

сегодня они сохраняют свою актуальность. Он констатировал: на одном полюсе оказалась личность ученого, с ее социально-психологическими характеристиками (переживаниями, страстью к познанию и т.д.) а на другом — дело, которым занимается ученый, его работа, которую он должен квалифицированно и обстоятельно выполнять. И он отчетливо понял, что в разрыв между этими двумя характеристиками научной деятельности, между призванием и профессией «проваливается» культурный смысл науки. Он прекрасно знал, что наука возникла в определенном месте, в определенное время, в определенной культуре, и отдавал себе отчет в том, что девальвация специфической культурной формы, в которой реализуется стремление познавать, ставит под вопрос само существование науки.

Вебера волновало то, что происходит с культурной мотивацией ученого при превращении науки в одну из повседневных профессий. Однако рассуждая о перспективах научной деятельности, он апеллировал главным образом к социально-психологической стороне возможных трансформаций этой мотивации. Так что, в конечном итоге, в качестве экзистенциального движущего науку мотива оставалась лишь антропологическая, по своей сути, установка — стремление познавать, страсть к познанию. Я думаю, этот сдвиг интересов был обусловлен рядом обстоятельств. Процесс профессионализации науки в его время шел на фоне разрушения традиционных культурных представлений о мотивах, двигавших ученым. И сам Вебер достаточно трезво относился как к теологическому (будь-то проникновение в замысел Бога или служение ему), так и к прогрессистско-просветительскому культурному оформлению мотивации научной деятельности. Кроме того, на вектор концептуальных предпочтений Вебера повлияла еще и интенсивность разрушения этих культурных форм, характерная для Германии 20-х годов прошлого века — что очень точно отметил А.М. Руткевич [Руткевич 2019]. Сказывался здесь и его собственный профессиональный социологический интерес, и его неокантианские воззрения. Но при всем при том, Вебер не терял из виду смысловой инвариант уходящих культурных мотиваций ученого. Именно это обстоятельство придает, на мой взгляд, актуальность рассуждениям Вебера о перспективах науки.

Сегодня, обсуждая особенности работы ученого, мы говорим даже не о профессионализации, а о специализации (мы чаще говорим «специалист в такой-то области»), и далее, мы начинаем рассматривать социально-экономические факторы, через которые общество задает требования к уровню его компетентности в данной области и к качеству его научного продукта. А затем, мы говорим о роли менеджера в организации научных исследований, говорим о проблемах коммодификации науки и пр. Наука как социальная система — факт дня нынешнего. И вполне практические задачи анализа ее социальных параметров настоятельно требуют, чтобы в нашем говорении о науке мы использовали языки современной социологии. Та же аналитическая потребность, но уже в области философии науки выдвигает на передний план направления, осмысливающие, прежде всего, социальные измерения научного познания. Наиболее представительным направлением сегодня является социальная эпистемология — широкое и очень результативное течение. В данном случае для меня важна лишь принятая в ее рамках трактовка знания как социального феномена, т.е. как, по своей сути, конструкции, построенной под конкретную социальную задачу.

Такое понимание знания, восходящее к идеям эдинбургской школы, позволяет рассматривать результаты научной деятельности в одном ряду с мифом, идеологией, политическими конструкциями. В результате, определяющими характеристиками знания становятся не его когнитивные параметры (применительно к науке — не методологические характеристики деятельности по его формированию, позволяющие претендовать на его объективность), а социальные обстоятельства его конструирования, позволяющие производить не знание о реальности, а практически полезные, годные к использованию сведения. Наверное, это мое утверждение требует более основательной аргументации. Но в данном случае мне важно лишь подчеркнуть: при трактовке знания как социальной конструкции, помимо всего прочего, из виду теряется и сама суть проблематики, которую Вебер описал в лекции. Раскалывающие

личность ученого противоречия между его призванием и его профессией предстают здесь как легко узнаваемые формы традиционных социально-психологических составляющих познавательной деятельности ученого. Ведь в научной практике во все времена взаимодополняли друг друга — с одной стороны, скептицизм и творчество, предполагающие нарушение всех возможных запретов (вплоть до этических норм, включая корпоративные), а с другой стороны, консерватизм, даже освященный корпоративной этикой, догматизм. А в этом качестве, мучающие ученого противоречия, так или иначе, сами собой, гармонизируются. Правда, одно дело — баланс профессии и призвания в рамках социальной институции, ориентированной на прикладные исследования, другое — фундаментальная наука, работающая на «общественное благо». Но если их развести, то проблема, волновавшая Вебера, предстает как общеисторическая, вечная проблема соотношения культуры и цивилизации. Для науки она остроу теряет (см.: [Кавсавин 2019]). Полагаю, что в данном случае дело обстоит не совсем так.

На мой взгляд, проблема «профессия-призвание» — яркое выражение кризиса именно современной науки, и именно как таковая, как глубинная проблема одного из оснований европейской культуры, она является выражением кризиса культуры в целом. Однако этот глобализирующий ракурс видения открывается лишь в том случае, если кризис, который ныне переживает наука, рассматривается отнюдь не только как социально-психологический, но, прежде всего, как кризис ее эпистемологических оснований. Лишь в этом случае наука в целом предстает как культурно-исторический феномен.

Много лет назад, описывая процессы, связанные с нарастанием в науке массива прикладных исследований, я отмечал, что последствия этих процессов не ограничиваются усилением прагматических установок в сфере мотивации научной деятельности, существенные изменения происходят и в когнитивных параметрах научного знания. Вместе с вытеснением фундаментальной науки происходило вытеснение ориентации на истину — в качестве основной характеристики результатов прикладных исследований место истины занимала прикладная эффективность полученного знания [Пружинин 1986]. Соответственно, происходила трансформация эпистемологического статуса научного знания и на этом фоне можно было наблюдать всплеск псевдонаучного конструирования [Пружинин 2009]. Изменения коснулись также внутринаучной коммуникации [Пружинин и др. 2017]. А в итоге, в качестве результата научной деятельности «мы фактически получаем здесь иной тип информации о мире, с иными, отличными от научного знания когнитивными параметрами, даже если эта информация внешне совпадает с научным знанием как таковым. Впрочем, часто и не совпадает» [Пружинин 2005, 113–114]. И на фоне этих изменений на глазах менялось самосознание практикующего ученого. Вот такими проблемами оборачивается вытеснение призвания из специализированной работы ученого. И именно это делает актуальными сегодня то, о чем беспокоился Вебер.

Концентрация внимания на социальных аспектах всех этих трансформаций научной деятельности, повторяю, бесспорно важна, но вне поля зрения социологического подхода к науке остаются ее познавательные характеристики, которые изначально лежали в основании экзистенциальной мотивации ученых — стремление открыть истинное знание о реальности. Сегодня эта мотивация нуждается в новом культурно-историческом осмыслении, способном преодолеть ее узкую социально-прагматическую ориентированность, вернуть нас к эпистемологической проблематике и, тем самым, открыть перед философией науки методологические (т.е. значимые для работающих ученых) перспективы.

Поясню примером. Поскольку наука сегодня является социальной системой, причем в значительной мере коммодифицированной, если угодно, рыночной, то и анализ ее, даже специальный методологический, зачастую несет на себе следы «товаризации» познания. Так, известный философ науки Питер Галисон использовал для описания форм научного общения между представителями различных дисциплин вполне рыночную метафору — «зона обмена». Однако, применяя эту метафору для того, чтобы выявить особенности обмена информацией между сильно различающимися научными

дисциплинами, Галисон уточняет ее – речь идет об обмене товарами между представителями различных культур. Эта апелляция к культуре, в данном случае, нужна ему для того, чтобы подчеркнуть очень важный момент его концепции междисциплинарного общения: различное понимание знания, и целей конкретного акта общения представителями разных дисциплин отнюдь не препятствие для самого процесса общения, коль скоро есть общее понимание мотивационной установки, пронизывающей общение ученых (см.: [Pruzhinin, Shchedrina 2017]).

Думаю, что эта особенность его уточнения через обращение к культурно осмысленной мотивации имеет принципиальное значение. Ибо, на мой взгляд, перспективы эффективного философско-методологического осмысления науки как особого целостного феномена связаны именно с обращением за смыслом к культуре и истории. Это важно, чтобы ответить на более широкий вопрос: каково то направление, в котором может двигаться современная наука, не теряя себя.

Ссылки – References in Russian

Касавин 2019 – *Касавин И.Т.* Дилемма ученого: после Макса Вебера // Вопросы философии. 2019. № 7. С. 17–21.

Пружинин 1986 – *Пружинин Б.И.* Рациональность и историческое единство научного знания. М.: Наука, 1986.

Пружинин 2005 – *Пружинин Б.И.* Прикладное и фундаментальное в этосе современной науки // Философия науки. Этос науки на рубеже веков. Вып. 11. М.: ИФ РАН, 2005. С. 109–120.

Пружинин 2009 – *Пружинин Б.И.* Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии / под ред. Т.Г. Щедринной. М.: РОССПЭН, 2009.

Пружинин и др. 2017 – *Пружинин Б.И., Антоновский А.Ю., Воронина Н.Н., Грифцова И.И., Дорожкин А.М., Касавин И.Т., Масланов Е.В., Невважай И.Д., Пирожкова С.В., Соколова Т.Д., Сорина Г.В., Столярова О.Е., Щедрина Т.Г., Юдин Б.Г.* Коммуникации в науке: эпистемологические, социокультурные, инфраструктурные аспекты. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 2017. № 11. С. 23–53.

Руткевич 2019 – *Руткевич А.М.* Макс Вебер об университете // Вопросы философии. 2019. № 7. С. 40–47.

References

Kasavin, Ilya T. (2019) ‘The Scientist’s Dilemma: Profession or Vocation’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2019), pp. 23–53 (In Russian).

Pruzhinin, Boris (1986) *Rationality and historical unity of scientific knowledge*, Nauka, Moscow (In Russian)

Pruzhinin, Boris I. (2005) “Applied and fundamental in the ethos of modern science”, *Philosophy of science. Ethos of science at the turn of the century*, 11, Institut of Philosophy, Moscow, pp. 109–120 (In Russian).

Pruzhinin, Boris I. (2009) *Ratio serviens? Outlines of cultural and historical epistemology*, ROSSPEN, Moscow (In Russian).

Pruzhinin, Boris I., Antonovskiy, Alexander Yu., Dorozhkin, Aleksander M., Griftsova, Irina N., Kasavin, Ilya T., Maslanov, Evgeniy V., Nevvazhay, Igor D., Pirozhkova, Sophia V., Shchedrina, Tatiana G., Sokolova, Tatiana D., Sorina, Galina V., Stoliarova, Olga E., Voronina, Natalia N., Yudin, Boris G. ‘Communications in Science: Epistemological, Socio-cultural and Infrastructural Aspects. Materials of the *Round Table*’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 11 (2017), pp. 23–53 (In Russian).

Pruzhinin, Boris I., Shchedrina, Tatiana G. (2017) “The Ideas Of Cultural-Historical Epistemology in Russian Philosophy of the Twentieth Century”, *Social Epistemology*, 31, 1, pp. 16–24.

Rutkevitch, Aleksei M. (2019) ‘Max Weber on University’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2019), pp. 40–47 (In Russian).

Сведения об авторе

ПРУЖИНИН Борис Исаевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора Философии естественных наук, главный редактор журнала «Вопросы философии».

Author’s information

PRUZHININ Boris I. – DSc in Philosophy, Main Research Fellow, Editor-in-chief of Journal “Voprosy Filosofii”, Moscow.